

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

АВИАТОР

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-82
ББК 84(4Фра)-44
С31

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

В оформлении обложки использована картина
Джона Лавери «Аэродром»

Сент-Экзюпери, Антуан де.

С31 Авиатор : [сборник : перевод с французского] /
Антуан де Сент-Экзюпери. — Москва : Издательство
АСТ, 2023. — 288 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-153502-5

В сборник вошли разнообразные работы Экзюпери: проза, публицистика, военные записки и радиообращения. Рассказ «Авиатор» о капризной фортуне, очерк «Пилот и стихии» о борьбе летчика с непогодой, репортажи о поездках в постреволюционный Советский Союз и Испанию, объятую гражданской войной. Издание дополнили письма Леону Верту, верному другу и соратнику, которому «Тонию» посвятил «Маленького принца».

УДК 821.133.1-82
ББК 84(4Фра)-44

© Перевод. Е. Баевская, 2023
© Перевод. Н. Галь, наследники, 2023
© Перевод. Ю. Гинзбург, наследники, 2023
© Перевод. М. Кожевникова, 2023
© Перевод. Д. Кузьмин, 2023
© Перевод. Л. Цывьян, наследники, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-153502-5

АВИАТОР

Колеса с силой давят на тормозные колодки.

Завертелся винт, поднялся ветер, и трава метров на двадцать впереди заструилась, словно вода. Одним движением руки летчик может выпустить бурю, может удержать ее.

Шум нарастает, мощнее, мощнее, и вот он уже ощутимая плотная среда, окружившая летчика. Когда пилот чувствует, что шум проник в него, его заполнил, слился с ним, он думает — «хорошо», и прикасается тыльной стороной ладони к гондоле — нет, не дрожит. Он рад, что энергия обрела такую плотность.

Летчик наклоняется: «Друзья! Счастливо». Ради прощанья на рассвете друзья пришли, волоча за собой безразмерные тени. Но на пороге прыжка длиной в три тысячи километров летчик уже не с ними... Он смотрит на силуэт фюзеляжа, нацелившегося в небо, — против света он похож на ствол гаубицы. За винтом дрожащей пеленой стелется пейзаж.

Винт теперь вращается не спеша. Летчик расслабляет руки, так отдают швартовы. Дивясь тишине, он застегивает ремни безопасности, крепления

парашюта, потом двигает плечами, туловищем, устраиваясь поудобнее в гондоле. Еще немного — и взлет, с этого мига он уже в ином мире. Последний взгляд на приборную доску, где застыли говорящие циферблаты, — высотомер летчик аккуратно переводит на ноль. Последний взгляд на толстые короткие крылья, одобрительный кивок: «порядок», вот теперь он свободен. Катит медленно навстречу ветру, тянет ручку газа на себя, мотор выбрасывает гарь, становится горячее, самолет рвется вперед, роя винтом воздух. Эластичная струя воздуха подбрасывает самолет вверх, принимает обратно, смягчая удар. Прыжок, еще прыжок, еще. Летчик подлаживает скорость самолета к потоку воздуха, слившись с ним, чувствует, что расширяется, растет.

Земля перед глазами вытягивается, вьется ремешком между колесами. Воздух сначала неощутимый, потом текучий, теперь уплотнился, пилот опирается на него и поднимается выше, выше.

Исчезли ангары, что стоят вдоль взлетной полосы, потом деревья, потом холмы, и все шире и шире открывается горизонт. С высоты двухсот метров все кажется игрушечным — малютки деревья, раскрашенные домики, леса, похожие на клочки меха. Поднимешься еще выше, и земля оголится.

Вокруг беспокойно, короткие жесткие волны толкают самолет, он упирается, задирает нос, завихрения сбоку теребят крылья, гондола дрожит. Но рука летчика удерживает самолет, будто Фемида чаши весов.

На высоте трех тысяч метров полный покой, солнце висит неподвижно, вокруг ни единого колебания. И земля — так до нее далеко — тоже совершенно неподвижна. Летчик прикрывает закрылки, проверяет рули высоты, взятый на Париж курс и зависает на десять часов, отмечая лишь движение времени.

* * *

Неподвижные волны лежат на море веером.

Солнце наконец тронулось с места.

Пилот вдруг физически ощутил неудобство. Посмотрел: задрожала стрелка на счетчике оборотов. Посмотрел: внизу море. Мотор захрипел, запнулся, мысли тоже запнулись, и в голове пусто. Синкопа. Рука летчика автоматически тянет ручку газа. Что это? Капля воды? Пустяки. Летчик бережно доводит гуденье мотора до той ноты, которая его успокаивает. Если бы не холодный пот на лбу, никогда бы не поверил, что было страшно.

Летчик снова слегка наклонился вперед, снова крепко оперся локтями о борта гондолы — так он чувствует себя спокойно и надежно.

Теперь солнце нависает над ним. Усталость не мешает, если липший раз не шевелиться, если не тревожить защитившегося неподвижностью тела, если достаточно легких касаний, чтобы управлять самолетом.

Уровень масла падает, потом поднимается — что еще стряслось?

Мотор начал стучать. Вот сволочь. Солнце повернуло налево и уже покраснело.

В голосе мотора слышится что-то металлическое. Нет... вряд ли шатун. Тогда что? Насос?

Гайка на ручке подачи газа ослабла, теперь попробуй, выпусти ее из рук. Новое неудобство!

Кто ж его знает? Может быть, и шатун.

Сиплое дыхание, расшатанные зубы, седые волосы говорят, что организм изношен. С моторами то же самое.

Хорошо бы додержаться до земли.

* * *

Земля действует успокаивающе — аккуратные квадратики полей, прихотливая геометрия лесов, деревеньки. Пилот опускается ниже, чтобы лучше видеть землю. С большой высоты она кажется голый и мертвой, самолет снижается, и земля меняется: опускается лесами, покрывается зыбью впадин и возвышенностей — она словно бы дышит. Летчик планирует над горой, что похожа на спящего великана: стоит великану набрать в грудь побольше воздуха, и он толкнет самолет. Стойка на капоте нацелена на сад, сад расширяется, раскрывается, как объятья...

«Мотор рокочет веселым громом». А настораживающий стук, в который он вслушивался? Летчику не верится, что он был. Рядом земля — сама жизнь.

Он еще снижается, повторяя изгибы долины, что сереет лентой прокатного стана. Самолет тянет на

себя поля, как простыни, отбрасывая их позади себя. Бросил тень на тополя и забыл о них, потом чуть приподнялся, чтобы пошире раздвинуть горизонт, так борец набирает полную грудь воздуха.

Теперь летчик правит на аэродром, летит низко, видит сквозь стеклянную крышу завода свет, видит парк, видит сгустившуюся тень. Земля струится потоком и выносит ему навстречу из неистощимого окоема крыши, стены, деревья...

Приземление — чистое надувательство. Обменял мощь ветра, рев мотора, свистящий шелест последнего виража на глухую провинцию: стену ангара, заклеенную белыми листками объявлений, подстриженные тополя, зеленый газон, на который выходят цепочкой юные англичанки с ракетками под мышкой из самолета Лондон — Париж.

Пилот растягивается на земле возле липкого фюзеляжа. К нему бегут со всех сторон: «Отлично!», «Чудесно!». Офицеры, друзья, зеваки... Усталость внезапно берет его в тиски. «Мы вам поможем подняться!..» Пилот поднимается, наклоняет голову и смотрит, как блестят у него руки от масла, хмель прошел, ему грустно до смерти.

* * *

Теперь он всего-навсего Жак Бернис в пиджаке, чуть отдающем запахом камфары. Он весь поместился в затекшем, неловком теле и берет из аккуратно поставленных в углу чемоданов только преходящее, временное. А комната пока не об-

жита даже книгами, даже белоснежными простынями.

— Алло! Это ты?

Он вновь ощущает близость друзей. Слышит восклицания, поздравления.

— Точно с неба свалился! Молодчага!

— Так и есть, прямо с неба. Когда увидимся?

Если честно, сегодняшней вечер занят. Значит, завтра? Завтра всей компанией играют в гольф, пусть он тоже приходит. Неохота? Тогда послезавтра пообедают вместе. Ровно в восемь часов.

Бернис идет вверх бульварами. Ему кажется, он расшевеливает толпу, как сквозняк. Как будто бросает вызов. Навстречу такие попадают, что тошнит, — едва шевелятся, разомлев от лени.

А завоюешь вот эту женщину, и жизнь разомлеет, потечет еле-еле. Встречаются мужчины-трусы, а он в себе чувствует столько силы...

Ощущая переполняющую его силу, он входит в дансинг. Бросает взгляд на жиголо, пальто не снимает, сохраняет форму любопытствующего путешественника. Жиголо суетятся всю ночь в этом загончике, будто рыбки в аквариуме, выдумывают комплименты, танцуют, подходят к стойке, когда захочется выпить. В полупьяной компании Бернис один сохраняет трезвый рассудок, в нем чувствуется весомая мощь грузчика, он твердо стоит на ногах, мысли у него не плывут, не дробятся. Решил посидеть и пробирается к свободному столику. У женщин, которых он задевает взглядом, гаснут глаза,

они их отводят или опускают. Так при его приближении гаснут во время ночных обходов сигареты часовых. Гибкие молодые люди расступаются, давая ему дорогу.

* * *

Берниса назначили инструктором учебного отделения, и сегодня он завтракает в кафе по соседству с учебным аэродромом. Унтер-офицеры пьют кофе и переговариваются. Бернис невольно слышит их разговор.

«Заняты делом. Славные ребята».

Ребята толкуют о взлетной полосе, что раскисла от дождей, о наградных за сопроводительные полеты, о сегодняшних происшествиях.

— Лечу на небольшой высоте, и — представляешь невезуху? — лопнул цилиндр. Вокруг ни одной площадки. Вижу двор позади фермы. Скользнул на крыло, выровнялся, и — ба-бах! — в навозную кучу.

Раздается громкий смех.

— Со мной еще смешнее было. В один прекрасный день врехался в стог сена. А наблюдатель мой, лейтенант, представьте себе, из гондолы вывалился! Уж я искал его, искал! А он сидит себе в сене...

Бернис думает: они были на волосок от гибели, уцелели, и для них это стало смешным случаем. Говорят, не рисуясь, буднично, обыкновенно, будто подают рапорт или отчет. Славные ребята. Мы тут все свои не потому, что однополчане, а потому что можем говорить друг с другом попросту.

Это женщины всегда просят: расскажите, что вы там почувствовали.

— Стажер Пишон?

— Я.

— Вы когда-нибудь летали?

— Нет.

Вот и хорошо, значит, начнем с чистого листа. Бывшие наблюдатели уверены, что уже все знают. У них на слуху команды: «ручку влево», «педаль от себя». Учить их непросто, упрямятся.

— Пойдемте, в первом полете будете только смотреть.

Оба устраиваются в гондоле.

Механик летной школы раскручивает винт с непростительной медлительностью. Ему здесь маяться еще шесть месяцев и одну неделю, о чем он и сделал запись сегодня утром в туалете. Нацарапал, а потом подсчитал: впереди примерно десять тысяч оборотов винта. Каждый день одно и то же. Ну и куда торопиться, спрашивается...

Стажер оглядывает голубое небо, дурацкие деревья, коров, что пасутся возле взлетной полосы. Инструктор протирает рукавом ручку газа: приятно, когда она блестит. Механик считает про себя обороты: насчитал уже двадцать два, сколько энергии зря пропало...

— Может, свечи почистишь?

Механик всерьез задумывается.

Мотор, если захочет, то заведется. Лучше оставить его в покое. Тридцать. Тридцать один. Завелся.

Стажеру больше ничего не говорят слова «опасность», «героизм», «опьянение полетом».

Аэроплан катится, стажер считает, что еще по земле, и вдруг видит внизу ангар. Ветер изо всех сил дует ему в щеки. Стажер уперся взглядом в спину инструктора.

Господи! Что это? Неужели уже вниз? Земля качнулась налево, потом направо. Он цепляется за гондолу. Где она, эта земля? Он видит леса, они поворачиваются, приближаются, справа висит полотно железной дороги, небо... и вдруг прямо под шасси ложится спокойное ровное поле. Инструктор оборачивается, у него на лице улыбка. Стажер пытается понять, что произошло, Бернис учит:

— Если происходит что-то неожиданное, соблюдайте следующие правила: первое — выключайте мотор, второе — снимайте очки, третье — крепче цепляйтесь за борта гондолы. Отстегивайте ремни только в случае пожара. Ясно?

— Ясно!

Наконец-то! Стажер дождался: ему сказали об опасности, сделав ее ощутимой, а его достойным знать о ней. Штатским обычно говорят: «опасности никакой». Пишон горд, что ему доверили тайну.

— Впрочем, — прибавляет инструктор, — авиация — вещь не опасная.

* * *

Все ждут Мортье. Бернис не спеша набивает трубку. Механик сидит на бидоне, подперев руками голову, и не без удивления наблюдает за своей левой ногой, которая отбивает такт.

— Странное дело, Бернис, время словно застыло.

Механик поднимает голову и видит, что горизонт уже заволокло туманной дымкой. Два-три дерева вдалеке видны пока отчетливо, но туман уже спеленал их понизу. Бернис стоит, по-прежнему опустив голову, и набивает трубку.

— Да, остановилось, и мне это не нравится.

У Мортье контрольный полет на диплом летчика, он давно должен прилететь.

— Бернис, вы бы им позвонили...

— Звонил уже. Он вылетел в четыре двадцать.

— И с тех пор никаких известий?

— Никаких.

Полковник уходит.

Бернис, уперев в бока руки, смотрит сердито на туман, — раскинулся, будто сеть, и прижал, кто его знает где, ученика к земле. «А у Мортье никакого хладнокровия, и самолетом управляет кое-как, вот беда-то!»

— Смотри-ка!..

Нет, не то, едет какой-то автомобиль. «Мортье, если ты выберешься из тумана, я тебе обещаю... я... я тебя расцелую!»

— Бернис! Тебя к телефону!

— Алло! Что за идиот надумал снести крыши в Доназеле?

— Этот идиот сейчас разобьется, оставьте его в покое, ругайте лучше туман!

— Но... Неужели?

— Отправляйтесь искать его с лестницей!

Бернис вешает трубку. Мортье заблудился, пытается найти ориентир.

Туман опускается толстым мягким пологом, теперь и в десяти метрах ничего не разглядишь.

— Бегом в медицинскую часть за машиной «Скорой помощи». Если не будет здесь через пять минут, под арест на две недели!

— Самолет!

Все вскакивают. Ослепший самолет продирается к ним, их не видя. Полковник присоединяется к кучке смотрящих.

— Господи! Господи! Господи! — машинально твердит он.

Бернис шепчет про себя:

— Выключи мотор, выключи, выключи... Прошу тебя, выключи мотор, выключи, выключи... Ты же обязательно врежешься!

Мортье увидел препятствие лишь в десяти метрах от себя, но, что увидел, никто не узнает.

Кто только не бежит к упавшему самолету. Солдаты — неожиданное событие сорвало их с места; унтер-офицеры, ревностные служаки; офицеры с огромным чувством неловкости. Дежурный офицер, хоть ничего не видел, но объясняет, как все произошло, полковник наклонился ниже всех, он и тут «отец-командир».

Пилота наконец вытащили из гондолы, он бледен до синевы, левый глаз у него выпучен, сломана челюсть. Его положили на траву, встали кружком.

— Может, можно... — говорит полковник.

— Может, можно... — повторяет лейтенант.